

Дневник (фрагменты)

Если я издеваюсь нередко над любовью твоею к луне, то поверь же, ночная соседка, потому что ты дорога мне. Потому что мне больно и жалко, потому что пугаюсь я сам, когда ты — богатырь и нахалка — покоряешься жалким словам. Когда ты, находясь под гипнозом, видишь все сквозь неясный туман, веришь слезам, и грезам, и розам и не чувствуешь, что это обман. Когда ты в состоянии экстаза, забываешь характер и ум, и влечет; тебя глупая фраза, но одетая в стильный костюм. И боюсь я, что милый твой разум покорит каждый наглый поэт, если только к изысканным фразам он прибавит и модный жакет.

Миша Маковер.

1917 г.

Казань, 31. VII-1. VIII

28 авг<уста> н. ст. я выехала, по дороге; говорили о том, что Волчанский прорыв (Волчанск — Валуйки — Купянск) ликвидирован, что красные от Белгорода отошли... Надежды на удачу скорчились совершенно. В Белгороде в 12 часов ночи. При выходе из вагона подходит какая-то барышня: «Вы, сестрица, до Ржавы, кажется, говорили едете, тоже — поедем вместе, с моим братом еду в Обоянь». Ладно. Я для вида узнала у коменданта станции, где 80-й Кабард<инский> полк — «между Ржавой и Обоянью». Спрашиваем у дежурн<ого> по станции, когда поезд на Ржаву. Вдруг: «Сестрица, я могу вам предложить мой поезд, он отходит через пять минут!» — ответил за дежурн<ого> офицер в красивой барх<атной> куртке, с манерами «хорошо воспитанного» человека. По общему впечатлению я решила ехать, тем более что ехали также эти обоянские попутчики. Подходим к вагону — командир поезда мнетя, что-то собирается сказать — оказывается, в вагоне неблагополучно, «ребята» шалили сегодня. Устраиваемся на площадке. Поручик укладывает своих «ребят» спать, но я и спутница Зина в вагон не идем. Знакомимся: «Вова Залесский». — «Сестра Катя. Еду в Кабард<инский> п<олк>». Оказывается, мой полк позорно отступил и потерял связь. В<ова> из Петрограда, кажется, политехник. Любит Петроград. Он командир этого поезда — вспомогательного при бронепоезде «Офицер». Спрашиваю: «Это ли вспомогатель, выведший из ураганного огня "Офицера"?» — «Да, но пор<учика> Щекина здесь нет теперь! А откуда вы знаете?» «Как же, я слежу по газетам, да тем более такой геройский подвиг!» В<ова> тронут, его симпатия ко мне увеличивается. Под конец идет спать — спирт дает себя чувствовать — В<ова> тоже благоухал им. «Спокойной ночи», — целует руку мне, Зине. В 6 часов мы были на Ржаве — весь командный состав (т<ак> наз<ываемые> «ребята») отдыхали еще после вчерашних «шалостей». Это повторяется через день — они ездят «шалить» в Белгород на ночь.

29 авг<уста>. Заночевали в квартире одного железнодорожника (предложил поруч<ик>, имевший комнату там). В 4 часа встаю, брожу по станции, обдумываю, как выбраться. Вдруг оружейный выстрел; откуда, что — чего неизвестно; второй, третий. Ясно, что это разрывы снарядов. Страшная паника, офицерье выскакивает, на ходу надевая шинель (было уже 6 часов). Снаряды бьют прямо по станции. Суматоха бешеная, вытаскивают раненых в обоз, мужики (подводчики) не слушаются, стараются удрать. Делаю вид, что растерялась — не знаю, куда спастись. Бегаю по станции, пока наконец не отступает последний бронепоезд «Иван Калита» — при мне снаряд угодил ему в паровоз — он удирает полным ходом. Обстрел усиливается. Слышно, как сыпятся оконные стекла. Выхожу со станции к обозу, к радости последние телеги уезжают (я, на всякий случай, без вещей, чтобы иметь возможность застрять, побежав за вещами). Вдруг снаряды бьют по обозу (по его хвосту), один падает сажень в двух от меня.

28 августа я выехала из Харькова в качестве сестры милосердия. В Белгороде я пересела на вспомогательный поезд № 2 (пору<чик> Залесский), доехала к 6 часам до Ржавы. На вспомогателе я ехала с жительницей г. Обояни (курсисткой) и ее братом. Я и курсистка ехали на площадке — в вагоне лежали пьяные до бесчувствия офицеры-вспомогатели. Пор<учик> Залесский — «Вова», как он отрекомендовал себя, — студент-технолог Петрог<радского> института. Я ехала с командировкой сестры в Кабард<инский> пол<к>. В Ржаве, конечно, с «сестрой» познакомилось почти все офицерство. В первый же вечер офицер-корниловец из контрразведки рассказал, что ст<анции> Ржаве грозит опасность быть окруженной и отрезанной (он даже начертил план, откуда могут повести наступление). Я продолжала разыгрывать роль сестры Кабардин<ского> п<олка>, но, к счастью, этот полк разбежался и потерял связь. Тем лучше! Я остаюсь ждать своего полка. Один из офицеров предлагает поместиться у него. Ладно!

Говорят: «Завтра будет жаркий день». С вечера мне предложили пойти на тракторную батарею (26-дюймовые орудия). Пошла.

29 августа встала в 4 часа; в 6 часов начался обстрел Ржавы «Черноморцем». Подбит был «Иван Калита» — в паровоз, в сухопарную трубу. Я решила, что лучший способ попасть к красным — спрятаться на ст<станции> Ржава. Сделала вид, что растерялась и не знаю, куда спасаться, на поезд ли или в обоз. Наконец все поезда отступили, а в обоз (в последние телеги) стали попадать снаряды. Один из них осколком порвал мою юбку — меня не ранил. Над головой рвалась шрапнель. Симулировать панику было достаточно. Я бросилась в погреб к жителям. Обстрел продолжался. Думали, что «Черноморец» уже на станции. Послышались ружейные выстрелы. Вдруг открывается дверь: «Сестрица, за вами солдаты пришли!» Мелькнуло в голове - «узнали, заподозрили». Вхожу — ничего не заподозрили, а пришли со своим прапорщиком спасать меня (кто-то им сообщил, что сестра в погреб спряталась) из «лап красноармейцев», по выражению прапорщика Егунова. Оказалось, что «Черноморца» не подпустила к ст<станции> стоявшая слева, кажется, батарея. Надежда была потеряна (я думала попросить, чтобы «Черноморец» отвез меня дальше в тыл, а там, по выяснении моей личности и намерений, направиться в Москву к Янке. Но увы!).

30 августа. Все было спокойно. Поговаривали, что как только выровняют фланги, начнут наступление на Курск. У меня настроение мерзкое. Выбраться подводой или пешком со станции было невозможно, всякий мог спросить: «Куда вы, сестра?» — и задержать, т. к. вокруг станции домов очень мало, да вдобавок я сделала ошибку, познакомившись с офицерством, — я все время была поэтому на виду. Часов в 10 утра со мною познакомился начальник команды на вспомогателе № 2. Стал спрашивать, как, не очень ли я вчера испугалась обстрела. Я продолжала разыгрывать роль сестры, ничего не боящейся и жаждущей боя. Тогда он предложил пройти с ним на вспомогатель — посмотреть перестрелку бронепоездов. Стал рассказывать, как один раз он зашел вперед наблюдать попадание снарядов, а его вспомогатель с бронепоездами отступили, и он (этот офицер) остался на территории противника. У меня сразу мысль: этак, может, и мне удастся остаться. «Ну идем». Вспомогатель стоял в 3 верстах. Вхожу. Знакомимся. С командиром я познакомилась раньше — он вез меня до Ржавы. На столе две пустые баночки из-под кокаина. Спрашивают: «Нет ли у вас, сестрица, в сумочке случайно кокаина?» Пошли вперед. «Ген<ерал> Корнилов» ушел далеко, молчит.

Вернулись. Обед. К обеду подается 6 стаканов (офицеров было 5 (в машинописном тексте явная опечатка: 6), я шестая), водка. Я категорически заявляю, что не пью. «Ну, ради бога, сестрица, вы нас обидите» и пр., и пр. «Мы не будем пить без вас...» Но я, конечно, не пила. Выпили без меня. Трое из них совершенно осипли от пьянства. 29 августа до 6 часов утра они (все бронепоезда) не вышли на позиции, т. к. офицерство проспало после ночного кутежа. Ходили смотреть на крушение «Ивана Калиты». Осталась под откосом одна площадка, 42-линейное вывезли трактором, остальное подняли и вывезли. В этот день перестрелки почти не было. Надежды вырваться все меньше. Вечером еду с этим вспомогателем на Белгород, будто бы искать свой штаб. К утру обратно до Прохоровки, но теперь я была уже осторожнее — не знакомилась ни с кем, приехав в Прохоровку, я сразу со станции — искать подводу. С большим трудом нашла (хозяин всегда извозом жил) на 15 верст до Журавки, оттуда 8—10 верст до позиций. Переночевала, утром выехали. Отъехав 4 версты, нагоняем пустую подводу. «Куда?» — «Да в Большие Сети, я сам оттуда!» А в Б<ольших> Сетях, по слухам, бои идут. Мне и на руку. Я все еще ехала в качестве сестры, а подводчику, чтобы разжалобить, нарассказывала, что у меня в Москве осталась больная (после операции) мать с 5-летним братом моим. Конечно, подействовало. Ну вот, мой подводчик просит того взять меня. Взял. Доехала до Пристепного — никого из военных по дороге не встретили. Дальше, говорят, не проедете, в Б<ольших> Сетях — бой. Пришлось ждать. У подводчика нашлись родственники. Заехали. Нас встретили очень хорошо. Накормили; мне очень сочувствовали, жалели меня и «мою больную мать». Меня уложили пока спать в амбаре. Жутко и трудно ждать, тем более что накануне у них были казаки, т. к. хозяин был председателем волостного совета. Ну, ничего. Часа в 4 приходит подводчик. «Ну, едем; бой за Сетями, большевики отступили!» Как защемило сердце. Так надеялась, что подводчик хоть перевезет через фронт, а теперь опять неизвестность. Приехали в Сети, заночевала. Плохая ночь была. Все мерещилось, что ворвутся казаки — село ведь было в их волости. Чуть свет вскочила. Хозяин говорит: «Спи, поешь, я узнаю, где казаки, тогда решим, что делать; может, подвода подвезет, нет, так пешком!» А я при каждом шорохе все жду — не идут ли казаки в амбар за продуктами или подводами. Один проезжал по деревне, да не завернул к моему хозяину. Я решила идти пешком. Ждать подводы нельзя было, оставаться в деревне было слишком рискованно! Всегда даже дети могли разболтать обо мне. Утром хозяин говорит: «Сейчас я тебя не пущу, с утра у них и разведка, и на полях никого нет, тебя заметят и застрелят», а часов в 9 утра по старому времени: «Ну, теперь иди с

богом, казаки справа от села, а ты левой тропкой иди на Тычки, пройдешь на Прилепы». Вышла я смело. Ведь я решила, значит, возврата нет. Если бы поймали казаки и обнаружили мой студенч<еский> билет — я бы бросилась бежать, пока не застрелили бы, а живую бы не далась. Перешла речку не через мост — там, должно быть, патруль был, — а по оставшемуся столбику от кладок. Иду. Мужик косит гречиху.

31. X. 19.

Моя Лидусь, бесконечно любимая, по-прежнему любимая, здравствуй! Уже третий месяц, как я рассталась с тобой, — кажется, что прошли годы. За эти дни многое пришлось увидеть, пережить, передумать. И как нелепо всегда бывает — была я с тобой, и мне лично ничего не надо было, но зато было совершенно утеряно душевное равновесие вследствие моего «дезертирства»; теперь «дезертирство» искуплено, я начинаю новую жизнь, мои поступки согласуются с убеждениями, но у меня нет моей Лидуськи, поддержка и внимание которой мне так необходимы. Быть может, когда-нибудь будет и то, и то. Мой Лидок. Твоя карточка со мной все время, и светло, и тепло делается на сердце при взгляде на нее:

О подвигах, о гордости, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной стояло на столе... 1

Сейчас у Яны на столе стоит карточка Л. Н. Знаешь, Лидусь, какая масса здесь книг, гл<авным> образом политич<еские> издания, но есть и соврем<енная> литература: А. Блок, А. Белый и др., много худож<ественных> монографий, но они стоят дорого: Чурлянис (такой, как у тебя) — 200 р. Ну, да это потом.

<1921>

22. XII

Я не знаю, хорошо или плохо. Сначала стало спадать, проходить было дорогое нам милое воспоминание и одно из сердеч<ных> свиданий с ним, таким большим. А сейчас опять шквал. И так приятны слова:

«Но для меня непоправимо милый, и чем теплей, тем трогательней ты»²,

Теперь он небрежен, но и это не важно. Внутри это ничего не меняет. Надо только внимательнее обдумывать каждый шаг. И надо быть умней. Решить, что шестьдесят лет, а до остального нет дела. Тем спокойнее. А изменить мы ничего не в силах.

А приятно, очень приятно чувствовать в себе преданность без конца и вместе с тем знать, что, если надо, скажу:

А ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня... 3

И знать, что вместо нежного я могу сказать другое, злое и чуждое, и не бессознательно, а так, рассчитав, бросать камни. От этого больше любишь. А по временам вспыхивает и охватывает то — стихийное. Яна, боюсь, забыла, не поймет. Жаль, очень жаль. Хотела бы я, чтобы... я не знаю почему, но мне это органически как-то хочется, не рассудком.

<1922>

1. I. 22.

Хотела бы я знать, какой лгун сказал, что можно быть не ревнивым! Ей-богу, хотела бы посмотреть на этого идиота! Вот ерунда! Можно великолепно владеть, управлять собой, можно не подать вида, больше того — можно разыграть счастливую, когда чувствуешь на самом деле, что ты — вторая; можно, наконец, даже себя обманывать, но все-таки, если любишь так по-настоящему — нельзя быть спокойной, когда любимый видит, чувствует другую. Иначе значит — мало любишь. Нельзя спокойно знать, что он

кого-то предпочитает тебе, и не чувствовать боли от этого сознания. Как будто тонешь в этом чувстве. Я знаю одно — глупостей и выходок я не сделаю, а что тону и, захлебываясь, хочу выпутаться, это для меня ясно совсем. И если бы кроме меня была еще, это ничего. Если на то — очень, очень хорошо. Но т. к. она передо мной — и все же буду любить, буду кроткой и преданной, несмотря ни на какие страдания и унижения.

31. I. 22

Книга юности закрыта
Вся, увы, уж прочтена.
И окончилась навеки
Ясной радости весна...

Да, уж закрылась, и закрылась еще в том году, а я, непонятливая, сейчас это увидела! Знаю, все силы надо направить на то, чтобы не хотелось ее читать опять и опять, снова и снова, но знаю: «только раз ведь живем мы, только раз». Только раз светит юность, как месяц в родной губернии. И не вернуть никакой ценой того, что было. А была светлая, радостная юность. Ведь еще не все кончено, еще буду жить и, знаю, буду любить, и еще не один раз загорится кровь, но так, так я никого не буду любить, всем существом, ничего не оставив для себя, а все отдавая. И никогда не пожалею, что так было, хотя чаще было больно, чем хорошо, но «радость — страданье одно»⁴, и все же было хорошо, было счастье; за него я благодарна, хоть невольно и хочется повторить:

Юность, юность! Как майская ночь
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.
.....
... Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же падаешь,
как под ношею?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Да, март — август 1921-го — какое хорошее время. Если бы не Янаб — не верила бы, сном бы все показалось.

А Яночка сказала: «Уже не девочки мы и не сырые». Но теперь — к чему это теперь? И она права — на «Пугачеве» — прощание и последнее «на память». С этим он проводил нас (и поехал к Д<ункан>). И когда я поборю все в себе, все же останется теплое и самое хорошее во мне — к нему. Ведь смешно, а когда Политехнический вызывает, гремит: «Есенин!» — у меня счастливая гордость, — как будто это меня.

Как он «проводил» тогда ночью, пауки ползали, тихо, нежно, тепло. Проводил, забыл, а я не хочу забывать. Ведь Есенин один. Сегодня в Ст<удию> Мейерх<ольда> опоздал, Старц<ев> ходил звать Е. выступать, а он лежит и ножками дрыгает — «не пойду». Понимаешь ли, «не пойду» теперь, и все, хоть скучно, а не пойду.

Была З<инаида> Н<иколаевна>, но она, ей-Богу, внешне не лучше «жабы». Лида почти угадала. Не ожидала; что угодно, но не такая. И в нее так влюбиться, что не видит революции?! Надо же!

А как опустошено все внутри, нет, ведь и не найдешь ничего равного, чтобы можно было все опустошенное заполнить.

О, как я был богат когда-то,
Да все не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска. 6
Я не знаю, но сегодня все из Блока.
А душа моя — той же любовью полна,
И минуты с другими отравлены мне. 7

1. II, утро

Вчера заснула, казалось, что физическая рана мучит, истекая кровью. Физическое ощущение кровотечения там, внутри. (Сейчас пришла Яна и все испортила, было успокоение и ощущение своей молодости, задора, сознание, что если и люблю так, как никого, то все же есть еще жизненные силы. А она из всяких «соображений» грубо сказала, что я опять с С<ергеем> и т. д., и все мне испортила. Успокоение, завоеванное таким усилием — даром это не дается, — нарушено. Она не понимает, что между нами самое ценное — искренность и непосредственность, то, чего нельзя с другими; а всякая политика между нами — все губит).

Ну, да к черту все это, к черту!

Всю ночь было мучительно больно. Несмотря на усталость, на выпитое, не могла спать. Как зуб болит — мысль, что Е. любит эту старуху и что здесь не на что надеяться. И то, что едет с ней. И сознание, несмотря на уверения Яны и Ани8, что она интересна, может волновать и что любит его не меньше, чем я. Казалось, что солнце — и то не светит больше, все кончено. И все усилия направила, чтобы победить в себе это, чтобы снова полюбить жизнь, молодость, снова почувствовать задор. Вот Яна немного неприязненно относится <к тому>, когда я думаю или говорю о своей наружности, она не понимает и не чувствует той разницы, о которой мы говорили с Бр-ским. И не понимает, что так же, как ей легче, когда она чувствует свой ум, мне — когда я спокойна за свою внешность. Я бы хотела, чтобы я могла забываться за книгой — не умею. А нужно, нужно не помнить.

Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

А все-таки невольно опять возвращаюсь. Что же делать, если «мир — лишь луч от лика друга, все иное — тень его»9. Но я справлюсь с этим. Любить Е. всегда, всегда быть готовой откликнуться на его зов — и все, и больше ничего. Все остальное во мне для себя сохраню и для себя израсходую. А за то, что было, — всегда буду его помнить и всегда буду хорошо вспоминать. И не прав Лермонтов — ведь я знала, что это на время, и все же хорошо. Когда пройдет и уйдет Д<ункан>, тогда, может быть, может, вернется. А я, если даже и уйду физически, душой всегда буду его.

Как странно определять и измерять его отношение по отдельным движениям не его, а окружающих. И грустно, грустно.

О, жизнь без завтрашнего дня,
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любви
Звезда восходит для меня. 10
Ты уж так не будешь больше биться,
сердце, тронутое холодком11.
О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться? 12

Сегодня опять бирюзовое утро. Хочется, хочется, чтобы то, что там, во мне, осталось на бумаге, на после? Ведь не повторится никогда. Будет новое, иное, будет и до скучного похожее, но всегда не это. Сейчас мне даже не хочется, чтобы что-нибудь было похожим. Эту боль, ту тревожную тоску я люблю, и как будто не отделяю от причины. Из-за этого люблю не только Яну, но самое себя сейчас только за это люблю. Как ни страшно и ни странно, но сейчас во мне все опустошено. Как будто ветер заполнил воздух листьями, казалось много, все полно сверкает ими, но он утих, и воздух чист и прозрачен. Все, чем сумели до сих пор обманывать себя, потеряло цену. Фальшивые бумажки. Никому не нужные. Хорошо, что они были выпущены в мою жизнь, но теперь им не верю. Теперь знаю: все для меня ценное — во мне и там, где есть отзвук мне. Все остальное — погода. И нельзя ставить перед собой — чтобы всегда была хорошая погода — не будет. И особенно хотеть этого для других. Пусть сами поучатся хотеть. И только когда по дороге с кем-нибудь, тогда можно задумываться и считаться с ним! Смешно же, идя вместе и найдя дорогу, скрывать от них. Но только их, полутчиков, можно любить, Боже сохрани, кого другого.

14. III?

Аня, милая, как я благодарна тебе и Л., как я бесконечно благодарна. Эти несколько минут сделали меня почти счастливой, во всяком случае, нет горечи, нет обиды. Это даст мне возможность опять быть

тихой, кроткой и верной (внутри, духовно, конечно), а это самое важное. Сейчас я опять убедилась, как сильно люблю, если это могло дать столько радости. Знаешь, я, когда мне очень плохо или хорошо, всегда вспоминаю из "Песни песней: «Сильна, как смерть, любовь».

Сейчас прошли две соседки по комнате, «любовались» моими волосами (я сижу с распущенными - мыла их), и, знаешь, мне опять делается мучительно грустно. Я теперь совершенно не выношу, когда мне говорят, что у меня (продолжаю 15.3) красивые глаза, брови, волосы. Ничем мне нельзя сделать так больно, так мучительно больно, как этим замечанием. Боже мой, да зачем мне это, зачем, если этого оказалось мало. Ведь помимо Л. и без нее все кажется ненужным и напрасным.

16. III

А все-таки я дрянная, не могу быть неревнивой, вот эти слова, которые вчера передала по телефону («Дикий -дик/ая» - и пр.) опять взволновали. Гадко ведь, если Л. хорошо, то какое право я имею не хотеть этого; наоборот, если по-настоящему люблю, то я должна радоваться, тем более, что последнее время Л. уже ничто не трогало. Быть может, со временем сумею довольствоваться и этим.

А все-таки тебе, Анечка, большое спасибо.

Источник: <http://esenin-lit.ru/esenin/vospominaniya/benislavskaya-dnevnik-fragmenty.htm>